

2. Харламова М., Лавров Д. История полиэтнического региона в «зеркале» народной речи: о проекте регионального диалектного корпуса // Современные проблемы русистики. МКР Барселона–2018 : сб. ст. по итогам конференции. Barcelona : Trialba Ediciones, 2018. С. 1572–1581.

3. Говоры Среднего Прииртышья: хрестоматия / авт.-сост. М. А. Харламова. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. 104 с.

4. Иванцова Е. В. Томский диалектный корпус: обоснование концепции и перспективы развития // Вопр. лексикографии. 2017. № 11. С. 54–70.

5. Крючкова О. Ю., Гольдин В. Е. Корпус русской диалектной речи: концепция и параметры оценки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). М. : Изд-во РГГУ, 2011. Вып. 10 (17). С. 359–367.

6. Зензин Е. П. Атлас и история Большеуковского района. Омск : Золотой тираж, 2018. 96 с.

7. Харламова М. А. О специфике электронного словаря народной речи // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2016. № 1 (23). С. 66–70.

8. Харламова М. А. Электронный словарь констант Среднего Прииртышья как источник и эмпирическая база исследований традиционной культуры // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. СПб. : Ин-т лингв. исслед. РАН, 2018. С. 332–338.

9. Харламова М. А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация : моногр. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. 290 с.

10. Зинковская Л. С. Представление концепта «хлеб» в идеографическом словаре говоров Среднего Прииртышья // Слово : фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2007. Вып. 5. С. 40–52.

11. Юрина Е. А. Томский диалектный корпус: в начале пути // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2011. Вып. 2 (14). С. 58–63.

12. Косицина Ю. В., Петрунина С. П. Статико-динамическая модель тематической организации диалектного монологического текста (Статья 1) // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. 2013. № 4 (295), вып. 75. С. 52–55.

© Зинковская Л. С., 2019

УДК 81'25

Науч. спец. 10.02.20

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-25-72-75

СТРУКТУРНО–ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (на материале русского и французского языков)

В статье рассматривается проблема структурно-типологического исследования фразеологических единиц на материале русского и французского языков, обсуждается подбор межъязыковых фразеологических эквивалентов с учетом различий в структуре оборота.

Ключевые слова: фразеологическая единица, сопоставительная фразеология, межъязыковые фразеологические эквиваленты, русский язык, французский язык.

Сопоставительно-типологическое изучение языков занимает особое место в кругу общезыковедческих исследований, поскольку проведение сопоставительного исследования языков способствует раскрытию особенностей функционирования системы языка в целом и отдельных ее элементов в частности.

Несмотря на то что фразеология — активно развивающийся раздел языкознания, в рамках которого в последние годы написаны тысячи работ, по-прежнему многие вопросы остаются нерешенными и вызывающими противоречия. Наиболее актуальной и дискуссионной является проблема формирования семантической структуры фра-

STRUCTURAL-TYPOLOGICAL STUDY OF PHRASEOLOGICAL UNITS SEMANTICS (on the Material of the Russian and French Languages)

The article considers the problem of structural-typological research of phraseological units on the material of the Russian and French languages and selection of inter-language phraseological equivalents, taking into account differences in fixed phrase's structure.

Keywords: phraseological unit, comparative phraseology, inter-language phraseological equivalents, the Russian language, the French language

зеологических единиц (далее — ФЕ), поднятая в работах В. В. Виноградова, А. М. Бабкина, Р. Н. Попова, В. П. Жукова, Ю. А. Гвоздарева, В. М. Мокиенко, А. М. Чепасовой, А. М. Мелерович, Н. Ф. Алефиренко, Ю. П. Солодуба и др.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов остается семантика ФЕ, особенно когда речь идет о фразеологическом материале в сопоставительном аспекте, поскольку фразеология — это «особая область любого живого языка, которая требует хорошего знания истории и быта данной страны, точного и свободного владения реалиями языка для точного и уместного употребления ФЕ» [1, с. 5].

Чтобы адекватно передать значение ФЕ одного языка в другом необходимо полноценно воспроизвести средствами языка перевода те многообразные семантические и стилистические функции, которые выполняет фразеологизм. Поисками способов учесть все нюансы ФЕ при переводе в рамках сопоставительного изучения фразеологии занимались такие лингвисты, как А. В. Кунин, А. Г. Назарян, В. Г. Гак, Э. М. Солодухо, Ю. П. Солодуб и др.; разработаны различные классификации, а также приемы и способы поиска межъязыковых фразеологических эквивалентов. Важные для нашей работы теоретико-методологические принципы изложены в статьях А. М. Чепасовой (см., напр.: [2]).

По мнению исследовательницы, в основе семантической организации фразеологизма лежит способность иметь типологически однородную со словом, группой слов, семантической категорией и целым классом слов семантическую структуру. «При формировании ФЕ на основе нефразеологического словосочетания каждое слово словосочетания утрачивает семантическое ядро, сохраняя отдельные специфические семы, из которых возникает другое, новое ядро новой языковой единицы — ФЕ» [2, с. 21]. Иными словами, фразеологизация предполагает деактуализацию части сем, входящих в лексическое значение слов — компонентов оборота, при одновременной актуализации других, причем сопряжение этих сем формирует новую фразеологическую семантику.

Аналогичным образом процесс фразеологизации представлен в работах многих других современных языковедов. Например, получает развернутое описание трансформация лексических значений компонентов, результатом которой является то, что «они исчезают как факт автономной номинации, превращаясь в один или несколько семантических элементов сложного по своей семантической структуре фразеологического значения. Во ФЕ происходят редукция, интеграция и переинтеграция семантических элементов, заложенных в исходном первоисточнике — свободном словосочетании, где эти семантические элементы формируются на базе отдельных компонентов и всей грамматической структуры словосочетания» [3, с. 117].

Развивая эту же идею, Н. Ф. Алефиренко указывает на то, что «в процессе фразеологизации происходит перераспределение ранговых позиций фразеологизующих сем, иное их взаимодействие, деактуализация одних и возникновение других. В результате такой качественной трансформации семного состава компонентов синтезируется обобщенно-целостное значение фраземы» [4, с. 37]. По мысли Е. Р. Ратушной, входя в состав фразеологизма, «слово испытывает семантические преобразования на уровне категориального, субкатегориального и индивидуального значения. Степень и характер семантических трансформаций различны и непосредственно связаны с ролью компонента в синтаксической структуре ФЕ. В роли грамматического центра ФЕ выступает грамматически главный компонент, способный предопределять не только категориальную, но и субкатегориальную семантику ФЕ» [5, с. 44] (подробный обзор работ, посвященных процессу фразеологизации, см.: [6]).

Вернемся к сопоставительной фразеологии и проблемам перевода ФЕ.

Преобладающая масса ФЕ любого языка не имеет абсолютных эквивалентов в другом языке в силу особой лингвистической природы данных языковых единиц, поэтому, подбирая наиболее подходящее соответствие, необходимо учитывать объективное соотношение лексико-фразеологических средств сопоставляемых языков. Так, русская ФЕ *душа радуется* переводится на французский язык ФЕ *avoir le coeur en joie* (досл. «иметь сердце в радости»). И русская, и французская ФЕ относятся к разговорному стилю и имеют значение «быть в приподнятом настроении, ощущать радость, счастье». Компонент русской ФЕ *душа* соотносится с компонентом французской ФЕ *coeur* («сердце»). В обоих языках эти слова часто выступают в роли синонимов. Значение радости в русской ФЕ передается глаголом, во французской — именем существительным, однако эти различия не влияют на значение ФЕ.

При подборе фразеологического соответствия важен также анализ контекста, особенно если речь идет о многозначных ФЕ. Анализ фразеологизмов в аспекте прагматики основывается на тезисе о фразеологизме как о сложной семантической структуре, каждый компонент которой так или иначе участвует в передаче информации, заключенной в целом. Попытки выделить компоненты значения предпринимались разными лингвистами (А. М. Чепасова, В. Н. Телия, Г. Ю. Никипорец и др.). Мы остановимся на тех, которые являются универсальными для ФЕ разных языков и поэтому могут помочь в процессе подбора соответствия:

1. Категориальность — это компонент, содержащий сведения о собственно «кодовых» параметрах ФЕ. Например, ФЕ *кошки на душе скребут* (*les chats grattent le coeur*) является не процессуальным, а призначным, поскольку имеет значение «тревожно, беспокойно, тоскливо».

2. Дескриптивность (денотативность) — компонент, к которому относятся сведения об обозначаемом. Так, выше-названная ФЕ *кошки на душе скребут* (*les chats grattent le coeur*) содержит указание на эмоциональное состояние человека, а именно на неблагоприятные психические процессы, душевные переживания, волнения, терзания; ФЕ *очертя голову* и ее французский эквивалент *à corps perdu* (досл. «с потерянным телом») иллюстрирует безрассудство; ФЕ *кататься как сыр в масле* и французский вариант *être (vivre) comme un coq en pâte* (досл. «быть (жить), как петух в паштете») описывает состояние наслаждения, счастья, беззаботности, чаще обусловленное материальными благами.

3. Оценочность — компонент, выражающий модальное и субъективное по своей природе отношение говорящего к ценности обозначаемого объекта. Важно, что оценочные ФЕ могут выражать:

– только отрицательное отношение говорящего: рус. *ворона в павлиньих перьях* и франц. *geai pare des plumes de paon* (досл. «сойка, украшенная перьями павлина») — насмешка; рус. *глаза бы мои на тебя/него/это... не смотрели* и франц. *Puisse-je n'avoir jamais vu cela de mes yeux* (досл. «пусть я никогда бы не видел этого!... своими глазами») — раздражение, гнев;

– только положительное отношение говорящего: рус. *души не чаять* и франц. *aimer qn a la folie* (досл. «любить кого-либо до безумия») — счастье, влюбленность; рус. *быть на седьмом небе* и франц. *être au septième ciel* (досл. «быть на седьмом небе») — радость, счастье;

– амбивалентные эмоции: ФЕ *сердце кровью обливаешь* (а *voir le coeur saigne*) обозначает отрицательные психические ощущения человека, но при этом характеризует его положительно, поскольку он может сопереживать, сочувствовать кому-либо.

4. Мотивированность — компонент, несущий информацию, содержащую мотивирующее основание значения ФЕ. Например, рус. *сойти с ума* и франц. *devenir fou (folle)* (досл. «стать сумасшедшим»), рус. *не в себе* и франц. *être pas lui-même* (досл. «быть не самим собой») имеют образно-ассоциативную мотивировку. ФЕ *ку-ку*, *тю-тю*; французские *c'est kif-kif*, *aller cahin-caha* — звуко-символическую и т. д. Этот компонент, как и оценочность, наиболее тесно связан с экстралингвистическими факторами: традициями, обычаями, нравами.

5. Функционально-стилистическая информативность — компонент, содержащий информацию о маркированности ФЕ, а именно о сфере ее употребления в функционально-стилевых разновидностях языка, о диахроническом статусе ФЕ и о территориальной сфере распространения. Например, рус. *уйти в мир иной* (ср. франц. *aller dans un autre monde*) и *сыграть в ящик / дать дуба* (франц. *casser sa pipe* (досл. «сломать свою трубку»)) имеют одно и то же значение «умереть», но не могут выступать в коммуникативной ситуации синонимами, так как относятся к диаметрально противоположным стилям — книжному, возвышенному и просторечному, грубому.

Особого внимания требуют модальные ФЕ, выражающие эмоциональное и рациональное отношение говорящего к сообщаемому. Так, ФЕ *боже мой!* (*Mon Dieu*), *черт возьми!* (*Nom d'un chien!* (досл. «Собачье имя!»)), *надо же!* (*c'est donc ça*) могут выражать восторг, радость, удивление, разочарование, огорчение, возмущение, раздражение. Большинство модальных ФЕ способны выражать несколько эмоциональных состояний, зачастую диаметрально противоположных (восхищение и разочарование, радость и огорчение и т. п.). Термин «модальные ФЕ» является самым общим. ФЕ этого класса, выражающие эмоции, принято называть междометными эмоциональными идиомами (далее — МЭИ).

Р. Н. Попов и его последователи активно ведут ономазиологические исследования, в рамках которых обсуждается вопрос о номинативном характере любой единицы языка. «Мы исходим из положения о том, что в языке нет не номинативных единиц, — пишет Р. Н. Попов, — можно говорить лишь о специфическом характере проявления номинативной функции каждой языковой единицы: существительного, глагола, междометия, союза, не принимая во внимание деление единиц языка на знаменательные и незнаменательные. Согласно этой точке зрения, все виды языкового обозначения какого-либо факта, события могут рассматриваться как явление номинации» [7, с. 6]. Очевидно, что в этом ключе могут быть рассмотрены и МЭИ.

Во фразеологии русского языка проблемы МЭИ затрагивались в работах В. В. Виноградова, В. Г. Гака, В. Н. Телии, А. А. Уфимцевой, но они не были специальной темой исследования. Тем не менее В. Г. Гак не раз обращался к этому вопросу в своих работах, определяя МЭИ как «устойчивые по форме, воспроизводимые, экспрессивные сочетания слов, обладающие целостным, как правило, переносным значением и служащие для выражения человеческих эмоций и оценок» [8, с. 27]. В рамках французской лингвистики подобные языковые единицы упоминаются в работах Р. Галиссона, где они также не являются целью исследования. Ученый отмечает, что «междометные фразеологические единицы, как и междометия, являются отличительной чертой устной речи, преимущественно разговорного стиля» [9, р. 106]. Размышляя об использовании МЭИ в художественных текстах, исследователь видит основную функцию таких оборотов в создании картины душевных переживаний и эмоционального состояния героев. Свообразие МЭИ заключается в том, что они не выражают понятия — лишь эмоции, в связи с чем их лингвистическая сущность видится не в особенностях строения, а в значении и назначении (см. об этом: [6]).

Мы солидарны с учеными, выносящими МЭИ за пределы номинативной фразеологии, поскольку они, подобно междометиям, лишь выражают эмоции и отношения, не называя элементы объективной реальности, не имеют парадигматических форм, синтаксически не связаны со словами в предложении и выступают как самостоятельные и обособленные речевые единицы. Однако подчеркнем, что именно МЭИ, как никакие другие языковые единицы, способны к передаче всего многообразия субъективных ощущений человека. Это связано с основным категориальным значением МЭИ, каковым является выражение субъективного (модального) отношения говорящего к окружающему миру. Что касается фразеологического значения МЭИ, то оно образуется из сохранившихся семантических элементов компонентов ФЕ и грамматического значения синтаксической модели, которую эти компоненты составляют. Учитывая способность МЭИ выражать несколько эмоциональных состояний, следует признать, что большую роль в уточнении значения МЭИ играют контекст и интонация.

Благодаря такому членению фразеологического значения появилась возможность несколько упорядочить, даже технологизировать способ передачи ФЕ на другой язык. Данный подход важен в теоретическом исследовании ФЕ, так как позволяет выявить глубинные смыслы, содержащиеся в данной языковой единице, учесть влияние экстралингвистической реальности на формирование фразеологического значения; точно определить выполняемые ФЕ семантические, стилистические и коммуникативные функции и обоснованно выработать подходящее переводческое решение для полноценного ее воспроизведения средствами другого языка.

1. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М.: Рус. яз., 1985. 304 с.

2. Чепасова А. М., Ивашко Л. А. Проблема структурности фразеологического значения // Фразеологическое

значение в языке и речи : межвуз. сб. Челябинск : ЧГПИ, 1988. С. 17–32.

3. Лебединская В. А. Роль компонентов в создании фразеологического значения // Системные связи и отношения фразеологизмов. Свердловск : СПГИ, 1989. С. 114–122.

4. Алефиренко Н. Ф. О статусе фразеологического значения среди семантических единиц других уровней // Проблемы фразеологии : сб. науч. тр. Тула : Изд-во Тул. пед. ин-та им. Л. Н. Толстого, 1980. С. 34–42.

5. Ратушная Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования (на материале фразеологизмов — наименований человека в современном русском языке). Курган : КГУ, 2000. 224 с.

6. Косякова Ю. Г. Фразеологические единицы эмотивной семантики как фрагмент национальной языковой картины мира : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2006. 218 с.

7. Попов Р. Н. Слово в лексической системе языка и в структуре фразеологизма (к вопросу о типологии устойчивых словосочетаний русского языка) // Системные отношения лексических и фразеологических единиц : сб. ст. / отв. ред. Р. Н. Попов. Курск : Курский ГПИ, 1981. С. 4–17.

8. Гак В. Г. Национально-культурная специфика фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 260–265.

9. Galisson R. Du sens. Paris : Le Seul. 1989. 307 p.

© Косякова Ю. Г., 2019

УДК 81'27

Науч. спец. 10.02.01

DOI: 10.36809/2309-9380-2019-25-75-80

Ю. В. Крылов

Yu. V. Krylov

ГЕНДЕРНО-ВОЗРАСТНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ, ОТРАЖЕННЫЕ В ЯЗЫКЕ (на примере функционирования обращений «девушка»/«женщина»)

В статье анализируются особенности функционирования гендерных обращений «девушка»/«женщина» в современной устной речи. Рассматривается обращение как комплимент, определяются социальные роли собеседников в зависимости от обращения; выявляется специфика использования обращения «женщина» во множественном числе. Дается анализ особенностей семантики данных слов в плане разграничения объекта номинации по возрасту. На материале современной устной речи и социолингвистического опроса доказывается утрата семы матримониального статуса в значении слова «девушка». Показывается несоответствие возрастной границы между «женщиной» и «девушкой» при обращении или номинации.

Ключевые слова: обращение, лексическое значение, гендер, разговорная речь, коммуникация.

GENDER-AGE STEREOTYPES REFLECTED IN LANGUAGE (in the Example of the Functioning Forms of Address “Devushka (Girl)” / “Zhenschina (Woman)”)

The article analyses the features of functioning of gender address “zhenschina (woman)” / “devushka (girl)” in modern spoken language. The following functions are revealed: address as a compliment; definition of social roles of interlocutors by means of address; the specifics of using the address “woman” in the plural. The author analyses the semantics of these words in terms of differentiation of the object of nomination by age. Based on the material of modern spoken language and sociolinguistic survey, the loss of some of matrimonial status in the meaning of the word “girl” is proved. It shows the mismatch of the age bracket between the “woman” and the “girl” when addressing or nominating.

Keywords: address, lexical meaning, gender, colloquial speech, communication.

К постановке проблемы

Проблема исследования заключается в определении, где в наивной картине мира русских пролегла грань между словами *девушка* и *женщина*, чем обусловлен выбор данных номинаций для носителей языка. Рассмотрение данной проблемы с учетом особенностей функционирования обращений *девушка* и *женщина* проводится впервые.

Необходимо учитывать, что указанные слова не только называют, обозначают лицо женского пола, но и могут выполнять роль обращения. При этом семантика слов в роли обращений имеет определенные особенности, которые позволяют строить следующие высказывания: *Встретил вчера красивую женщину, решил познакомиться, обращаюсь: — Девушка, как вас зовут?* (разг. речь здесь и далее

из картотеки автора. — Ю. К.) или *Подбегаю к женщине, помогаю подняться: — Девушка, вы не ушиблись?* (разг. речь). Противоположных примеров практически не наблюдается: *Увидел красивую девушку и говорю ей: Женщина, вы отлично выглядите!* Иными словами, номинация *женщина* предполагает более узкий диапазон использования в речи, хотя можно было бы предположить обратное: *женщина* — обозначение более широкого класса явлений (лицо, противоположное по полу мужчине [1]), чем *девушка* (лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке [1]). Таким образом, судя по словарным толкованиям, можно утверждать, что *женщины* — это и девочка, и девушка, и старуха, тогда как *девушка* — это только девушка.